

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 82.0-14

ББК 83

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-34-41>**В. В. Прозоров**
Саратов, Россия**Valery V. Prozorov**
Saratov, Russia**Дневник как лирический речевой жанр**

Дневник – лирический РЖ, если рассматривать речевые жанры с точки зрения восходящей к античности универсальной триады – эпоса, лирики и драмы. Дневник – признание особой цены слова, последовательно сберегающего крупинцы повседневного жизненного опыта. В статье намечается представление о двухступенчатом косвенном дневниковом адресате. Первая ступень: «я» – автор, имеющий в виду себя в некотором будущем времени. Вторая ступень – обращённость к потомкам, к неведомому читателю-собеседнику, к вероятным биографам и т. д. – до востребования. Спектр дневниковых тем необозрим: от бытовых подробностей до раздумий бытийного характера, от впечатлений, связанных с личными переживаниями, до черновых профессиональных набросков. Назначение дневника – освобождение пишущего от бремени разнообразных впечатлений, регулярная фиксация которых способствует авторскому психотерапевтическому саморегулированию.

Ключевые слова: дневник, лирический речевой жанр, автокоммуникация, коммуникативные цели, косвенные адресаты.

Сведения об авторе: Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени имени Н. Г. Чернышевского.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: Philology@sgu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Diary as a Lyrical Speech Genre

The diary is a lyrical speech genre, if we consider speech genres from the point of view of the universal triad that goes back to the antiquity – epic, lyric and drama. Diary is a recognition of the special price of the word, consistently saving a grain of everyday life experience. The article outlines the idea of a two-step indirect diary addressee. The first step: «I» is the author, meaning him(her)self in some future tense. The second step is the turn to the descendants, to an unknown reader-interlocutor, to likely biographers, etc. – on demand. The spectrum of diary topics is boundless: from everyday details to reflections of an existential character, from impressions connected with personal experiences to drafts of professional sketches. The purpose of the diary is to free the writer from the burden of various impressions, the regular fixing of which contributes to the author's psychotherapeutic self-regulation.

Keywords: diary, lyrical speech genre, auto-communication, communicative goals, indirect recipients.

About the author: Prozorov Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor, Scientific Adviser of the Institute of Philology and Journalism, Saratov State University.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: Philology@sgu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Под дневником мы договариваемся понимать более или менее регулярные (подневные), фрагментарные письменные высказывания личного (откровенного, интимного, непринуждённого) характера, как правило, адресованные автором самому себе с намерением закрепить в собственной памяти существенно важные, с точки зрения пишу-

щего, жизненные и житейские наблюдения, впечатления, размышления, переживания¹.

Дневник может быть отнесён к числу лирических РЖ, если рассматривать РЖ с точки зрения восходящей к античности универсальной триады – эпоса, лирики и драмы с присущими им принципиально нечёткими границами в опознании огромного массива

¹О дневниковой форме см.: [1–4].

словесно-художественных текстов. Речь идёт о внутренней типологической связи, которая, на наш взгляд, существует между тремя родами литературного высказывания и основными родами коммуникативных стратегий: информативными, фатическими и «автокоммуникативными» [5].

К драме, в этом отношении, тяготеют главным образом все разновидности (жанры) информативной речи. В самой природе информации изначально заложен конфликт между тем, что было привычно известно до получения данной информации, и тем, что привнесла с собой новая или обновлённая информация. Драматическое ощущение новизны, потребность в сообщении нового пронизывает и состояние-поведение сообщаемого, и вольное / невольное ожидание воспринимающего информацию.

Фатика, как правило, опирается на сложившиеся в нашей практике традиции (привычки) общения в предлагаемых ситуациях. И с этой точки зрения она в большей мере находится в сфере эпического притяжения. Фатика в своих формах выражения, как правило, традиционна. Мы (чаще всего невольно) обретаем (пробуем обрести) здесь точки коммуникативного соприкосновения с безусловной оглядкой-опорой на прошлый, уже себя оправдавший, проверенный (осердеченный) опыт.

Лирика, разумеется, объёмлет все разновидности автокоммуникации, предполагающей внутреннее (про себя) речевое общение, имеющее в виду выстраивания речевых периодов, обращённых прежде всего к самому носителю-инициатору речи. Автокоммуникации, по Ю. М. Лотману, – «все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которое без записи не происходит. Обращение с текстами, речами, рассуждениями к самому себе – существенный факт не только психологии, но и истории культуры». Имеется в виду «немая, молчаливая», «эгоцентрическая речь» [6: 78, 80].

Понятие «лирические РЖ» обнимает все издревле присущие человеку универсальные речевые жанры более или менее скрытой, мысленной вербализации, внутренней монологической речи, с разной степенью интенсивности используемой нами во всяком возрасте и в бесконечном множестве ситуаций. Это речь без посторонних, для себя, наедине с самим собой. Часто она итожит прожитое, предваряет некие действия-поступки, сопутствует важным жизненным и житейским поворотам-поступкам и т. п.

В один ряд с дневниковой записью (дневником, дневниковыми заметками) корректно выстраиваются жанры исповеди, воспоминания (мемуаров), автобиографии, клятвы, завещания, самоанализа, самовнушения, самоутешения и т. д. По сути дела, это жанры, которые М. М. Бахтин относил к разряду интимных [7: 278]. В автокоммуникации я весь отдаюсь настоящему времени: это переживания, сегодня, сию минуту отзывающиеся в моей душе и способные, как мне сейчас кажется, сохранять для меня в будущем свою эмоционально-экспрессивную и интеллектуальную значимость, обретая новые, дополнительные смыслы.

В лирике обнаруживается интенсивное сосредоточение на настоящем времени, проецирующем себя на прошлое и будущее. В адресанте происходит известное раздвоение: Я – средоточие всякого рода размышлений, эмоционально выраженных состояний, трудно разрешимых проблем, приятных сердцу фантазий и горьких, обманутых надежд... И другое Я – помощник, судья, рассудитель, указчик, утешитель, критик, в одном лице обвинитель и адвокат самому себе.

В лирических РЖ в значительной степени присутствует отмеченный М. М. Бахтиным «экспрессивный момент, то есть субъективное, эмоционально оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания» [7: 263–264]. Адресат лирических РЖ – alter ego, переспрашивающий, сомневающийся, вторящий, готовый укорить, оспорить и в отчаянном споре с самим собой предъявить свои, казалось бы, неотразимые аргументы, которые тоже, в свою очередь, – в самозащиту – будут подвергнуты сомнению и т. д. В результате в лирических РЖ мы можем наблюдать (на собственном опыте прежде всего) то, что М. М. Бахтин называл «стремлением как бы к полному слиянию говорящего с адресатом речи» [7: 277].

* * *

Дневник, пограничный с жанром воспоминаний и наделенный «способностью» запечатлеть на письме сохраняющиеся в памяти совсем недавние события и вызванные ими впечатления, является одним из самых испытанных в многовековой речевой практике лирических жанров «автокоммуникации». Дневниковая запись – акт последовательного речевого творчества, побуждающего к неуспынной наблюдательности (в том числе и прежде всего к пристрастному присмотру за самим собой), способ преодоления собственной немоты и неосознаваемого отношения к быстротечной жизни, признание особой цены слова, описывающего и тем самым сохраняющего

значительные крупницы повседневного жизненного опыта.

Вспоминается однажды высказанное Д. С. Лихачевым напутствие нам, студентам филологического факультета Саратовского университета. Дело было зимой 1960 года. Мы, группа студентов-старшекурсников во главе с доцентом кафедры русской литературы СГУ Т. И. Усакиной, проходили литературно-музейно-архивную практику в Ленинграде. В программе было посещение Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Нас принял и с нами беседовал Д. С. Лихачев. Дмитрий Сергеевич выдвинул условие: задавайте вопросы – смогу ответить.

Один вопрос, заданный нашей сокурсницей, показался нам чересчур наивным: «Посоветуйте, как научиться писать?». Но Лихачёв, заметив наше общее смущение, неожиданно ответил очень серьёзно. Ответ его звучал примерно так (воспроизвожу по давней своей короткой дневниковой записи): «Надо заставлять себя писать ... воспоминания. Мало у вас опыта? Неправда. Вспоминайте свои самые счастливые и самые грустные дни и часы детства, отрочества, вспоминайте тех, кто был с вами рядом и уже ушёл, вспоминайте всё, что считаете для себя важным и значительным! Пишите, что и кого успели полюбить в этой жизни... И ещё один мой совет: непременно надо завести себе дневник и вести его более или менее усердно и честно. Для себя, не для чужих глаз. Ведите диалог с собой. Это очень полезно для управления самим собой, для доброго и разумного самочувствия, для собственного эмоционального и интеллектуального развития. И бесценные навыки фиксации происходящего приобретёте, и писать постепенно научитесь».

Давний уже опыт показывает, что дневники действительно занимают особое место в русской и мировой письменно-речевой культуре, заключают в себе большой психотерапевтический смысл, побуждают к раскрытию внутренних нравственных, социально-действенных, профессиональных возможностей и готовностей его автора. Предмет дневниковых размышлений – бесконечный и хрупкий мир во мне, в моём душевном пространстве, и многомасштабный, бесконечный и вечный мир вокруг меня, вне меня, видимые и неведомые нити, связи, отношения-диалоги этих миров.

Дневник напрямую связан с авторской приметливостью, склонностью к рефлексии, сопровождающей мои бытийные и со-бытийные переживания и впечатления. Идеальная тональность дневниковой работы – постоянное

стремление к предельной сосредоточенности и искренности.

Сравнительно недавно и совершенно случайно обнаруженная в университетских кругах Саратова дневниковая тетрадь совсем ещё молодого С. Л. Франка (будущего первого декана историко-филологического факультета Саратовского университета и ныне всемирно признанного философа) одаряет нас ценным признанием (от 31 декабря 1901 г.), удивительно точно и последовательно объясняющим побудительные коммуникативные инициативы и цели автора интересующего нас жанра: «/.../ заведу себе собственного мною созданного друга – этот дневник. Пусть он будет моим двойником, в котором будет всё, что есть во мне чистого, духовного, мужественного и честного. И да будет проклят тот день, когда стыд помешает мне поделиться с этим другом! Этот день будет означать день падения, будет призраком грозного, мрачного будущего, в котором мне грозит потерять самого себя, свою силу и бояться заглянуть в себя. Нет, да не будет этого. Вот зачем мне и нужна эта тетрадь. Покуда у меня будет сила записывать в неё мои мысли и чувства, я ещё значит жив, а покуда я жив – я царь себе: нет сил, которые бы властвовали надо мною, кроме тёмных сил внутри меня» [8: 31–32].

Приведённая запись заключает в себе внятное представление о поведенческих характеристиках автора дневника, его ведущих мотивах и целях. Дневник способен заместить очень близкого тебе сочувствителя, которому могут быть поведаны самые сокровенные, сердечные тайны. Дневник – тайный доверенный, наперсник автора, он даёт автору шанс «заглянуть в себя» и фактически становится надёжным спутником и двойником автора. Причем сам автор присягает на верность заветным жизненным принципам, он обязуется быть предельно «чистым, духовным, мужественным и честным». Его доверительная внутренняя установка, его кредо – безупречная, истинно духовная чистота, безбоязненная открытость и откровенность, безжалостная (мужественная) правдивость в отношении к себе, к собственным душевным порывам и переживаниям. Будущий литературный критик и литератор А. В. Дружинин в свои 18 лет заводит дневник и записывает, в частности: «Как бы ни были жалки наши пороки, нужно соизнаться в них перед самим собою, а главное, делать шаги к исправлению» [9: 210].

* * *

Дневник позволяет автору понять, до какой степени этической уязвимости он, автор, способен доходить в очередных реальных своих

жизнепроявлениях. Дневник по сути является внимательным, психологически достоверным средством самоконтроля, самодисциплины. Дневниковые записи – преодоление одиночества и одновременно надёжное сохранение от неминуемого, естественного забвения ценных частиц собственного опыта. Л. Н. Толстой в 1850 г. полагал так, размышляя о назначении дневника: «Опять принялся я за дневник и опять – с новым рвением и с новой целью. Который уж это раз? Не помню. – Всё равно, может, опять брошу; зато приятное занятие, и приятно будет перечитать старые. Мало ли бывает в голове мыслей, и которые кажутся весьма замечательными; а как рассмотришь, выйдет пустошь; иные же точно дельные – вот для этого-то и нужен дневник. По дневнику весьма удобно судить о самом себе. Потом, – так как я нахожу необходимым определять все занятия вперед, то для этого тоже необходим дневник. – Хотелось бы привыкнуть определять свой образ жизни вперед, не на один день, а на год, на несколько лет, на всю жизнь даже» [10: 34].

Дневник требует известного усердия, последовательного старания, ревнивого прилежания, постоянно соотносимого с целями, которые ставит перед собой и прозревает сам автор. «Много чувств есть во мне, – записывает С. Л. Франк в “Дневнике”, – я переживаю их, проходит минута – и их нет, и они не оставили следа; занесённые в эту тетрадь, они не пропадут и сослужат службу в будущем» [8: 32].

Приведенные признания заметно обогащают наше представление о проблеме двухступенчатого косвенного дневникового адресата. Он (адресат) не идентичен пишущему (фиксирующему сей час свою запись) автору, он обретает трудно предсказуемый облик автора в некоем будущем времени, автора, самому себе пока ещё не ведомого.

Первая ступень косвенного адресата – сам автор, имеющий в виду себя в некотором будущем времени. Дневник пишется для себя впрок, про запас, на всякий случай – до востребования. «Много мыслей, не укладывающихся в рамки науки, – заметит С. Л. Франк, – мыслей *fug sich*, этических, психологических, метафизических, мыслей, которые не переживаются только, а которые приходится переживать и перестрадать, – приходят мне в голову. И им не придётся пропасть; и ими поделюсь я с этими листками» [8: 32].

Особой деликатной сложности вопрос связан с явными или тайными представлениями автора дневника о своём вероятном, внешнем по отношению к собственному «Я» адресату. Вторая ступень косвенной адресации – к детям и внукам, к родственникам, к потомкам,

к будущему неведомому чужому читателю-собеседнику, к грядущим биографам и т. д.

Несомненно, решающую роль играет при этом личность высказывающегося, его профессионально-статусные самооценки. Дневники часто принадлежат людям гуманитарно-творческих профессий – писателям, художникам, актёрам, ученым, философам, историкам, политикам и т. д. с их интуитивной жадной вероятного собеседника. Юный А. В. Дружинин согревает себя мыслью: «При всём малом количестве внешних и внутренних событий, поневоле пропускаешь многое, не имея времени. Если со временем я удостоюсь того, что мою жизнь опишут, немного найдут материала в этих заметках» [9: 196]. Л. Н. Толстой откровенно объясняет: «Думал о том, что пишу я в дневнике не для себя, а для людей, преимущественно для тех, которые будут жить, когда меня – телесно – не будет, и что в этом нет ничего дурного. Это – то, что мне думается, что от меня требуется. Ну, а если сгорят эти дневники? Ну что ж. Они нужны, может быть, для других, а для меня наверное не то, что нужны, а они – я. Они доставляют мне благо» [10: 12].

Иначе говоря, дневник не вполне себе речь монологическая (даже без всякой ориентации на потомство). Признаки коммуникативного тождества (полного совпадения, равенства, паритета адресанта и адресата) здесь отсутствуют. Дневник скорее всего – речь зыбко пограничная, переходная (от монолога к диалогу и обратно), имеющая в виду:

во-первых, прежде всего себя пишущего, любовно созидającego дневник (Н. Г. Чернышевский: «До свидания, милая тетрадь, теперь за другую» [14: 102]; С. Л. Франк: «О мой дневник, мои лучшие силы, моя вера, моя мысль»; «единственное моё спасение, мой якорь» [8: 34];

во-вторых, пишущего и на письме постигающего ранее не открывавшиеся смыслы своих бытовых и бытийных впечатлений, тем самым спасающего от забвения собственные, рождающиеся по разным случаям-поводам соображения-переживания и

в-третьих, так или иначе (сознательно или непредумышленно), но то и дело обращающегося к себе – будущему, другому уже, трудно пока угадываемому, с иным (пусть даже и чуть-чуть иным) запасом жизненных впечатлений, с обновлённым багажом жизненного опыта, подростку, повзрослевшему, «поумневшему» и т. п.

Всего через 54 дня с момента начала работы над дневником С. Л. Франк восторженно отметит: «О мой друг, мой дневник! Я проглядел тебя сейчас. Ты мне помог – авось поможешь и в будущем» [8: 56]. А. В. Дружинин

прорицает: «Ежели я со временем переломлю все препятствия, которые стесняют меня и делают несчастным, мне приятно будет, посреди невозмутимого спокойствия, посреди наслаждений, которые только доступны моей слабой натуре, перечитать эти заметки, писанные во время душевной апатии, мелких огорчений и неопределенных порывов. События, которые меня теперь возмущают и мучат, получают интерес давно прошедших глупостей, и я с большою ясностью буду их понимать и оценивать» [9: 160].

Дневники – индивидуальные, частные, приватные летописания. Спектр дневниковых тем поистине необозрим: от мелких бытовых подробностей жизни до раздумий бытийного характера, от впечатлений, связанных с личными переживаниями и неурядицами, до разного рода черновых профессиональных заготовок и набросков. А. В. Дружинин с долей модного в его пору романтического скепсиса размышляет: «Зачем и с какою целью писать мне журнал (так именует он дневник. – В. П.): смешно становиться на ходули, видеть трогательное и высокое там, где ничего не видишь, ещё смешнее в восемнадцать лет воображать себя разочарованным, но весьма скучно описывать, где был утром, что делал ввечеру, что ел, что пил, с кем об чем говорил, выводя без всякой цели на сцену личности. И потому не ждите от меня правильного и постоянного дневника: мне неоткуда писать его» [9: 128]. Дневник мыслится им в ореоле литературных занятий, в контексте ранних увлечений словесностью: отсюда и ритуальные апелляции к мнимому адресату. Обращает на себя внимание и мысль о существовании особых дневниковых «правил», следовать которым автор не обещает.

Дневник – это ещё и средство самопознания. А. В. Дружинин запишет: «По мере того, как сам я ближе себя понимаю, видится мне, что жизнь моя не есть одно сцепление бестолковых действий» [9: 161]. Юный Н. Г. Чернышевский в 1848 г. доверит своему дневнику такую возвышенную самооценку: «Если писать откровенно о том, что я думаю о себе, – не знаю, ведь это странно, – мне кажется, что мне суждено, может быть, быть одним из тех, которым суждено внести славянский элемент в умственный, поэтический и нравственный и практический мир, или просто двинуть вперед человечество по дороге несколько новой» [14: 126].

В 29 лет А. В. Дружинин признаётся в верности своим дневниковым заботам и славит безграничные возможности, таящиеся в самой природе универсального дневникового жанра, способного сберечь достойные памяти явления, встречи и судьбы: «Мелкие факты,

занесённые в протокол, приобретают живость для человека, их испытывавшего, простое имя встреченного нового лица, выписанное всеми буквами, освежает память, делает этого человека надолго как бы присутствующим с нами. Из ряда пустых заметок со временем является ряд выводов, то грустных, то утешительных, но благотворных во всяком случае. [...] С началом дневника память моя будто оживилась, и голова редко работает, подобно пустой мельнице в ветреную погоду. [...] А впереди мой дневник обещает мне много выгод в нравственном и литературном отношении» [9: 215]. М. М. Пришвин, на протяжении многих десятилетий создававший свой огромный, беспримерный дневниковый труд, заметит: «Пусть наши потомки знают, какие родники таились в эту эпоху под скалами зла и насилия» [15: 62].

Дневники людей творческого труда, в частности, писательские дневники, нередко становятся своеобразными литературными лабораториями, которым их автор доверяет личные откровения, художественные замыслы, летучие зарисовки, описания природы, ощущения от быстротекущего исторического времени, конкретные политические оценки, раздумья, касающиеся психологии творчества. Так, М. М. Пришвин в дневниковой записи от 22 апреля 1940 г. обращается к мысли о том, как соотносится дневниковое его творчество с работой над художественным произведением: «Эти мои заметки в дневниках. [...] Огромное большинство всего написанного мною пишется для себя, а потом из этого выбираются для создания вещи для всех, часто под предлогом обращения к “другу”. [...] путь “для себя», по-моему, имеет решительное право на существование, как надежнейший путь питания литературы “для всех”» [15: 147–148].

* * *

Подчас дневники удивляют не столько афористически чётким и точным оформлением мысли, сколько её, мысли, противоречиво выраженным мерцанием, колебанием, волнением. Юный С. С. Прокофьев записывает в своем дневнике (10 декабря 1907 г.): «[...] менялось часто настроение и некоторые взгляды, так что через минуту мог написать совершенно другой взгляд на вещь» [16: 30]. Комментатор Л. Н. Толстого в девяностотомном Полном собрании сочинений А. С. Петровский поясняет: «На записи в Дневниках нельзя смотреть как на окончательные суждения Толстого. Он часто только ставил те или иные вопросы, фиксируя их для того, чтобы самому не забыть и потом дать на них ответ, отчего многие записи поражают своей противоречивостью»

[11: 5]. Характерно толстовское дневниковое самопризнание: «Писал об иск[усстве]. Совсем запутался. Даже досадно. Надо оставить» [11: 65]. Или, к примеру: «Суждение о том, что наука полезна и спасет человечество от его бед, есть самообман. Искренние люди науки работают только для того, что имеют охоту узнать известные стороны известных явлений. То же и с искусством. А наука, как таковая, есть только известные случайные знания, не нужные, не ясные и не связанные с другим. Впрочем это не то. Об этом буду думать и работать» [12: 92].

В каждодневных дневниковых стараниях может оказаться важной и подстрекающей к работе привычность, обыденность окружающей автора обстановки, обыкновенное, спокойное течение жизни. М. М. Пришвин признается: «Лучше всего мне пишется на том месте, где мой чай. За чаем я никогда не сочиняю, а пишу дневник в полном равенстве себя самого с тем, что записываю: пишу прямо вслед за собой» [15: 30]. Л. Н. Толстой делает такую запись 5 февраля 1890 г.: «Начал с того, что колот дрова и б[ыл] у Тани в школе. После кофе задремал. Надо попробовать писать утром натошак» [12: 16]. Или характерная толстовская запись от 1 апреля 1891 г. в Ясной Поляне: «Несколько дн[ей] не записывал, но не от того, что ленился; напротив, хорошо думается и работается, хотя и мало» [13: 24].

Азартная, воодушевляющая, целеустремленная художественно-публицистическая и другая работа способна отвлечь от дневника. Дневник – фиксация повседневного или внешне запню придуманного на ум, схваченного на лету, но не продуманного, не остроумного. Л. Н. Толстой ввёл в своих дневниках такие лаконичные речевые сигналы, которыми он часто пользовался и которые предвещали очередные его записи: «Думал: »; «Ещё помню: »; «Ещё думал:» или «За это время думал: ». Варианты: «Думал за это время не мало, но как-то не приписывал важность и не записывал. Записано только следующее: ». И далее, после двоеточия, шли краткие записи своих по видимости отрывочных мыслей – кратких оценок, беглых характеристик, мгновенных зарисовок... Часто свои соображения и впечатления Л. Н. Толстой записывал порознь, по живым следам, на отдельных листочках, чтобы потом занести в Дневник. Случалось, трогательно сокрушался: «Носил, носил записочку с мыслями и потерял» [13: 60]. Или: «Думал за это время кое-что хорош[ее], к[оторое] забыл» [13: 74].

Фрагментарность, отрывочность, мимолётность, внезапные обрывы повествования – естественные приметы дневниковой речи. Ед-

ва ли в этой связи можно согласиться с умозаключением: «Дневник, состоящий из одних фрагментов, не фиксирующий, а только рассуждающий, – не настоящий дневник; датировка записей становится в таком случае ненужным украшением» [2: 292]. Само противопоставление «фиксирующего» и «только рассуждающего» начал в дневниковом жанре некорректно. Здесь ценным может быть и то, и другое. И почти исключительное сосредоточение автора на «рассуждениях», доминирование «рассуждающего» повествовательного ряда, если есть на то авторская воля и авторский талант, нисколько не умаляют, но, во многих случаях, добавляют значительного интереса к дневниковому тексту, к его неповторимым личностным исповедальным интонациям.

В художественной литературе разных эпох охотно используется дневниковая форма в целях предельно внимательного сосредоточения на психологии героев (Журнал Печорина в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Дневник лишнего человека» И. С. Тургенева) и в целях сатирических, пародийно обыгрывающих правила ведения дневника (повесть «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя, очерковый сатирический цикл «Дневник провинциала в Петербурге» М. Е. Салтыкова-Щедрин). К дневниковому жанру близки записные книжки писателей, блокноты журналистов, дорожные, экологические, педагогические дневники и т. д. Исповедальное дневниковое начало явственно различимо и в стихотворных лирических циклах [14: 87].

В эпоху Интернета наблюдается всплеск особого интереса к дневниковому жанру, который существенно трансформируется под влиянием новых технологий и связанных с ними новых коммуникативных горизонтов. Интернетовский «LiveJournal» («ЖЖ») использует структурные и стилиевые приметы традиционного дневникового жанра (краткие «посты»-сообщения, регулярность их появления, обозначение даты и времени публикации, речевая раскрепощённость, доверительность интонации и др.). Основное отличие, однако, в установке на воображаемого, потенциального адресата, на поиск людей солидарного с автором образа мыслей и чувств, на желанное преодоление публичного одиночества. Интернет-дневник – постоянный, лиро-публицистический способ самовыражения. Популярными стали и варианты ведения записей онлайн, позволяющие сохранять личную информацию и делиться ею с близкими².

Дневник был и остаётся одним из продуктивных, лирических по преимуществу РЖ,

²О соотношении сетевых и традиционных дневников см.: [15, 16].

чьё основное назначение заключается прежде всего в освобождении пишущего от бремени разноплановых жизненных и житейских впечатлений, регулярная письменная фиксация которых заметно способствует авторскому психотерапевтическому саморегулированию. Пока жива потребность в поисках самоидентификации, пока жива культура рефлексии, культура самовыражения, жив и многообразно явленный лирический речевой жанр дневника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чудакова М. О. Дневник // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. Т. 2. М. : Сов. энцикл., 1964. С. 707–708.
2. Кобрин К. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288–295.
3. Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М. : Водолей-Publishers, 2007. 264 с.
4. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. М. : Флинта : Наука, 2011. 176 с.
5. Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150.
6. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры : в 3 т. Т. 1. Таллин : Александра, 1992. С. 77–90.
7. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–280.
8. Франк С. Л. Дневник // С. Л. Франк. Саратовский текст / сост. А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина ; вступ. ст. В. В. Прозорова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2006. С. 16–111.
9. Дружинин А. В. Повести. Дневник / изд. подгот. Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М. : Наука, 1986. 512 с.
10. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 46. Дневники, 1847–1854. М. : Гос. изд-во «Худож. лит.», 1937. 578 с.
11. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 48. Дневники и записные книжки, 1858–1880. М. : Гос. изд-во худож. лит. (ГИХЛ), 1952. 538 с.
12. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 51. Дневники и записные книжки, 1890. М. : Гос. изд-во худож. лит. (ГИХЛ), 1952. 426 с.
13. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 52. Дневники и записные книжки, 1891–1894. М. : Гос. изд-во худож. лит. (ГИХЛ), 1952. 546 с.
14. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 1. М. : Гослитиздат, 1939. 860 с.
15. Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. 880 с.
16. Прокофьев С. С. Дневник : в 3 т. 1907–1933. Т. 1. М. : Классика-XXI, 2017. 788 с.

REFERENCES

1. Chudakova M. O. Dnevnik [Diary]. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* : v 9 t. T. 2 [Brief Literary Encyclopedia : in 9 vol. Vol. 2]. Moscow, Izd-vo Sov. entsiklopediya Publ., 1964, pp. 707–708 (in Russian).

2. Kobrin K. Pokhvala dnevniku [Praise Diary]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 2003, no. 61, pp. 288–295 (in Russian).

3. Mikheyev M. *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX)* [Diary as an ego-text (Russia, XIX–XX)]. Moscow, Vodoley-Publishers, 2007. 264 p. (in Russian).

4. Yegorov O. G. *Russkiy literaturnyy dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra* [Russian literary diary of the 19th century. History and theory of the genre]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 176 p. (in Russian).

5. Prozorov V. V. O tipologii rechevykh zhanrov v svete teorii literaturnykh rodov [Typology of speech genres in terms of fiction-writing modes theory]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2017, no. 2 (16), pp. 142–150 (in Russian).

6. Lotman Yu. M. O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury [About two models of communication in the system of culture]. *Lotman Yu. M. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury* : v 3 t. Vol. 1 [Articles on the semiotics and topology of culture : In 3 vol. Vol. 1]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992, pp. 77–90 (in Russian).

7. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Aestetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237–280 (in Russian).

8. Frank S. L. Dnevnik [Diary]. In: S. L. Frank. *Saratovskiy tekst*, sost. A. A. Gaponenkov, Ye. P. Nikitina, vstupil. stat'ya V. V. Prozorova [Saratov text, comp. A. A. Gaponenkov, E. P. Nikitin, ed. article by V. V. Prozorov]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2006, pp. 16–111 (in Russian).

9. Druzhinin A. V. *Povesti. Dnevnik. Izd. podgotovili B. F. Egorov, V. A. Zhdanov* [Century Tale. A diary. Ed. prepared by B. F. Egorov, V. A. Zhdanov]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 512 p. (in Russian).

10. Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch. : v 90 t. T. 46. Dnevniki, 1847–1854* [Full collected cit. : in 90 vol. Vol. 46. Diaries, 1847–1854]. Moscow, Gos. Izd-vo khudozh. lit-ra, 1937. 578 p. (in Russian).

11. Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch. : v 90 t. T. 48. Dnevniki i zapisnyye knizhki, 1858–1880* [Complete collected cit. : in 90 vol. Vol. 48. Diaries and notebooks, 1858–1880]. Moscow, Gos. Izd-vo khudozh. lit. (GIKHL), 1952. 538 p. (in Russian).

12. Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch. : v 90 t. T. 51. Dnevniki i zapisnyye knizhki, 1890* [Full collected cit. : in 90 vol. Vol. 51. Diaries and notebooks, 1890]. Moscow, Gos. Izd-vo khudozh. lit. (GIKHL), 1952. 426 p. (in Russian).

13. Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch. V 90 t. T. 52. Dnevniki i zapisnyye knizhki, 1891–1894* [Full collected cit. : in 90 vol. Vol. 52. Diaries and notebooks, 1891–1894]. Moscow, Gos. Izd-vo khudozh. lit. (GIKHL), 1952. 546 p. (in Russian).

14. Chernyshevskiy N. G. *Poln. sobr. soch. : v 16 t. T. 1* [Full collected cit. : in 16 vol. Vol. 1]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1939, vol. 1. 860 p. (in Russian).

15. Prishvin M. M. *Dnevniki. 1940–1941* [Diaries. 1940–1941]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2012. 880 p. (in Russian).

16. Prokof'ev S. S. *Dnevnik. v 3 t. 1907–1933. T. 1* [Diary : in 3 vol. 1907–1933. Vol. 1]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2017. 788 p.

Статья поступила в редакцию 02.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Прозоров В. В. Дневник как лирический речевой жанр // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 34–41. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-34-41>

For citation

Prozorov V. V. Diary as a Lyrical Speech Genre. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 34–41 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-34-41>